

Три рецензии

(Денис Новиков, Ольга Сульчинская, Алёна Бабанская)

Новиков, Денис. Шелковый р зрез: собр ние стихотворений – М.: Русский Гулливер; Центр современной литер туры, 2023.

Книга стала уже третьим изданием, куда включены стихотворения из 4-х сборников московского поэта Дениса Новикова (наиболее полное собрание - «Река-облака», 2018), однако интерес к его поэзии очевиден. Сами стихи предваряют выдержки из статей о творчестве поэта – приведу лишь ключевые цитаты. Итак:

«Голос Новикова – голос человека в раздробленном, атомизированном обществе, где поэт более не антипод государя или власти вообще и поэтому лишен гарантии быть услышанным, не говоря – пьедестала. В этом смысле голос Новикова – голос из будущего, как, впрочем, и из прошлого, ибо он в высшей степени голос частный...<...> На что он претендовать имеет полное право – это на роль инструмента родной речи. Высшей чести поэт удостоиться не может».

Иосиф Бродский

«Он никогда не шел на поводу у литературной моды, не «интересничал», не эпатировал ради эпатажа, не хотел казаться сложнее себя. И поэтому звук у него – чистый. А еще – глубокий... <...> Критики и читатели ждали «красивого, двадцатидвухлетнего». А он был. Вот этот самый – светловолосый, с черными бровями, длинноногий, остроумный – Денис Новиков. Но его проморгали. <...> Впрочем, когда Новиков был совсем молодым, о нем говорили, его хвалили – как же, такой маленький, а пишет совсем как большой. Но стоило Денису вместе со стихами вырасти – говорить перестали...»

Олег Хлебников

«Истинный поэт, верный стиху, Денис явился в пору распада стиха, в эон подмены, натужного революционаризма, тотального фальшака. Обновлялась не столько поэзия, сколько номенклатура имен, – в искусстве, как известно, базовых перемен не происходит. Этот факт не отменяет возникновения нового качества (тематического, стихового, фонического и т.д.) Новиков принес новую ноту, всецело принадлежа единому оркестру отечественного стихотворства, не вчера появившегося. <...> Он смолоду писал так хорошо, что теперь-то ясно: он и не должен был долго жить».

Господь наделяет таким даром, как правило, лишь недолгожителей. Которым назначено сказать сразу и все. Он это знал...

Илья Ф ликов

«Денис Новиков умер там, где расположена та самая «ниша», которую ему, двадцатилетнему москвичу, предложили занять «двое в белом»: Мне сказали займи эту нишу /двое в белом и быстро ушли. Нужно ли пояснять, кто это был и что речь идет о Гробе Господнем в Иерусалиме? Отсюда – то представление о месте поэта, какое так прямо не отважился высказать никто, отсюда и название последней книги Новикова – «Самопал». И это не только синоним саморазрушения.

Конст нтин Кр вцов

Думается, что для многих из тех, кто еще не знаком с творчеством Дениса Новикова, книга эта станет настольной. В доказательство я приведу лишь одно стихотворение из цикла к Эмили Мортимер:

Говори, не тушуйся, о главном:
о бретельке на тонком плече,
поведенье замка своенравном,
заточённом под коврик ключе.
Дверь откроется – и на паркете,
растекаясь, рябит светотень,
на жестянке, на стоптанной кеде.
Лень прибраться и выбросить лень.
Ты не знала, как это по-русски.
На коленях держала словарь.
Чай вприкуску. На этой «прикуске»
осторожно, язык не сломай.
Воспалённые взгляды туземца.
Танцы-шманцы, бретелька, плечо.
Но не надо до самого сердца.
Осторожно, не поздно ещё.
Будьте бдительны, юная леди.
Образумься, дитя пустырей.
На рассказ о счастливом билете
есть у Бога рассказ постарей.
Но, обнявшись над невским гранитом,
эти двое стоят дотемна.
И матрёшка с пятном знаменитым
на Арбате приобретена.

Четвертая по счету книга Ольги Сульчинской состоит из 69 стихотворений-стежков, вышитых по глади трёх разделов-полотен (Лён, Шерсть и Шёлк). В целом, книга узнаваема по своей привычной слаженной звукописи:

Я стану тем, о чём нетрудно думать.
Я легче пуха: стоит только дунуть,
Да что там дунуть – маленькое «у»
Сложить непреднамеренно губами
– И я тону <...>

или:

Служба. Верхний свет погашен,
Но свечами полон храм,
И при них тебе не страшен
Круглый космос по углам.
Словно ты вошёл с изнанки
В ель, в утробу Рождества.
Скоро будет – снег и санки,
Праздник, пряники, халва <...>

Читатель встретит уже привычный пантеон богов и героев: от Медеи, Данаи и Леды – до старухи Геры. Мужские персонажи (Ясон, Зевс) – дополнит придуманный Олешей канатоходец Тибул. Античные мифы, их вечные сюжеты прекрасно себя чувствуют на теплом киммерийском берегу – головоломка собирается, но именно здесь о себе заявляет автор. Именно ему – *обозревателю перспективы и наблюдателю с койкой у окна*, задавшемуся вопросом о соотношении *судьбы и свободы* – удаётся прошить красной нитью сразу несколько схожих картин:

Это площадь Звезды – та, где канатоходец Тибул
Под прицелом,
Качаясь натянутым телом,
Над толпой пробежал и в окно слуховое нырнул.
Это площадь (в метро) Революции – та, где сидят,
Обнимая собак, мускулистые девки и парни,
И носы их – натёртая бронза – блестят светозарней,

Чем любая звезда.

Это площадь Святого Петра у собора Святого Петра,

Начиная с утра

Там полно голубей и прелатов,

И туристы их ловят щелчками своих аппаратов.

Это площадь не та. Да и площадь ли это?

Не то Чтобы площадь, а так, перекрёсток.

Где прикуривает на ветру неказистый подросток,

Распахнувший пальто.

Это прошлое скрещено с будущим – так провода

Чертят в небе косые квадраты <...>

Автор, обретя неожиданное равновесие, идет по этой красной нити-канату.

А есть еще попытка осмыслить пост-художественное или то, что происходит с мифом после – когда Медея сжигает Арго зимой. Впрочем, миф, как древний язык или древний сон готов явиться в повседневности, стучась о ее скорлупу языком моря, подпирая острием кипариса веко месяца:

Сквозь меня протекают народы,

Шевеля плавниками веков.

Тяжелы и курчавобороды,

Ассирийцы проводят быков.

В уши лезут, скрипя, колесницы,

Шумно дышат верблюды в раю.

И сознание, теряя границы,

Покидает отчизну свою.

Кто-нибудь, поднимите мне веки.

В сухожилиях шумеры хрустят,

Беспокойные древние греки

На моём языке говорят.

Алён Б б нск я, Медведи Средней полосы. – Ек теринбург: «Евдокия», 2023.

В новой книге собраны стихи разных лет, а объединяет их нахождение важных, первостепенных и внешне простых вещей. Лучистый космос просвечивает сквозь узор летнего невесомого платья. Жернова времени, ход вещей перемалывают когда-то щегольскую оболочку, обнажая вход в Нарнию:

Хорош из Англии берет.
Его и время не берёт.
Семь лет прошло, а сносу нет:
И матерьял хорош, и цвет.

Крушились царства и миры,
Нередко нити рвали Парки.
А вот в берете – ни дыры,
Мне в нём не холодно, не жарко.

Сносились туфель восемь пар,
И даже золото стало тленом.
А я один хожу как пан:
Не нахожу берету смены.

А еще в книге есть предчувствие будущей еще неявленной жизни:

Младенец в утробе плывёт как Гагарин.
Мы снизу глядим на него, не моргаем.
Когда он на бренной Земле приземлится?
Родится он мальчиком или девицей?
Чего ему снится под юной луною?
И как его небо качает седьмое?
К нему нескончаемы наши вопросы.
Но плодные воды безмолвны, что Космос.

Всё это, вместе с теплой горечью в описании поколения старших - ему отведен целый раздел - образует круговорот, движение, смену времен:

Холодно папе к восьмидесяти трём годам.
Раньше-то было жарко.
Тёплую шкуру свою отдам –
Мне для него не жалко
Шкуры. А может, и целых двух,
Чтобы он мог согреться.
Папа лёгонький стал, как пух.
И золотой, как детство.

Примечание:

Герман Власов – поэт, переводчик, редактор. Живёт в Москве.